

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-27-48

УДК 008

ОБРАЗЫ МИРА: ИДЕИ СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА, БРАТСТВА И ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Часть 2²

Зассин Вольфганг,
*доктор технических наук,
Мюнхенский технический университет,
Германия, 80333, Мюнхен, Арциштрассе, 21
wolfgang@sassin.at*

Аннотация

Триумфальное научно-техническое развитие человечества в XIX веке породило представление о непрерывном прогрессе человечества. Однако трагические события XX века и сознание того, что человеческий мир напрямую сталкивается с глобальными проблемами, из которых главной оказывается энергетическая, потребовали новых подходов к осознанию будущего. В статье обсуждается, возможно ли выживание общества, идеалом которого является благосостояние индивида, а не общины. Идеология такого общества не способна справиться с демографическими проблемами, связанными с массовой миграцией, ведущей к утрате этнической и культурной идентичности. Поэтому в XX веке основным направлением политики становится перенос ответственности за свою судьбу с отдельного индивида на коллективистское государство. Свою роль здесь играет городской образ жизни, который отделяет человека от природы. Техносфера заменила человеку природную среду.

Только исчезающе малая часть населения осознает остроту проблемы долгосрочного выживания урбанистической цивилизации и работает над системными вопросами, возникающими из сложного взаимодействия техники, природы, народонаселения и регулируемыми это взаимодействие соглашений и ценностей. Так, идеология зеленых содержит неразрешимое и, что более важно, неосознаваемое противоречие между борьбой за глобальную предпринимательскую свободу с целью перманентной эксплуатации природы, с одной стороны, и городской замкнутостью – с другой. Обсуждается в статье и тот факт, что самый большой изъян рыночной экономики состоит в том, что она низводит человека на уровень торгово-обменных отношений. Это, в свою очередь, ведет к глубокому институциональному конфлик-

¹ Перевод с немецкого Игоря Александровича Канакина.

² Первую часть статьи см.: Зассин В. Образы мира: идеи Свободы, Равенства, Братства и их трансформации // Идеи и идеалы. – 2017. – № 4. – Т. 1. – С. 9–27. – doi: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-9-27.

ту интересов между защитой и объемом собственности. Поэтому европейскую идеологию, основанную на стремлении к миру между народами, оплачиваемому долгами, ожидает та же участь, что и либерализм и социализм. Стабильное сосуществование социальных систем на нашей планете достижимо только путем иерархического разделения мира на относительно самостоятельные регионы, развивающие свои собственные формы цивилизации.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, энергетическая проблема, индивидуализм, урбанизация, городской образ жизни, рыночная экономика, миграция, конфликт интересов.

Библиографическое описание для цитирования:

Зассин В. Образы мира: идеи Свободы, Равенства, Братства и их трансформации. Ч. 2 // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 27–48. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-27-48.

Видения XX века

Герберт Дж. Уэллс в своем романе «Машина времени» [12], впервые вышедшем в 1895 г., поразительно предвидел развитие целого столетия. В нем путешественник во времени описывает наших далеких потомков, Homo sapiens 802 701 года. По представлению Г. Уэллса, наши потомки распались на две ветви – морлоков и элоев. Морлоки как технически образованные существа, обладающие инициативой, живут в нижнем мире; подобно коровам на пастбище, они держат элоев, по-детски доверчивых, мирных и слабых, с развитым чувством прекрасного. «С огорчением я подумал о том, какой недолгой была мечта о человеческом духе. Этот дух совершил самоубийство. Он неудержимо вел к благополучию и комфорту, к гармоничному обществу, лозунгом которого стали уверенность и стабильность, и он достиг своей цели, чтобы в конце концов породить вот это» [Там же].

К началу XX века в сознании почти каждого образованного человека витало видение будущего невероятно богатого, праздного, упорядоченного и эффективного общества – сверкающий стерильный мир из стекла и белоснежного бетона. Наука и техника развивались со скоростью, захватывающей дух, и, казалось, ничто не говорило о том, что это развитие не продолжится и в будущем. Однако этого не случилось отчасти вследствие долгой череды войн и революций, отчасти потому, что научно-технический прогресс, зависящий от эмпирического образа мышления, не смог выжить в зарегламентированном обществе.

После Карибского кризиса в 1972 г. США и Советский Союз на нейтральной почве в Австрии провели совместный анализ долгосрочных стратегических вызовов, угрожавших обеим странам. Одной из главных исследовательских тем основанного с этой целью Международного института

IIASA Laxenburg (International Institute for Applied Systems Analysis – Международный институт прикладного системного анализа) стала глобальная энергетическая проблема. Стало ясно, что эта проблема может поставить под сомнение глобальную стабильность и создать угрозу миру. Римский клуб, Друзья Земли и IIASA попытались выработать общую позицию. Она нашла отражение в совместной декларации «Каким путем идти?» [10].

Идею разработки для решения энергетической проблемы «мягких» гибких технологий, применимых в локальном и региональном масштабах, отстаивали Медоуз и Ловинс. Их аргументы сводились к следующему: «Глобальный производственный потенциал будет продолжать истощаться. В одних регионах благодаря сокращению рождаемости стабилизируется рост населения, в других возрастет смертность, ведущая даже к сокращению численности населения. Войны, эпидемии и голод будут повторяться примерно так же, как они повторялись тысячелетиями. Такой сценарий можно назвать «Бизнес как обычно», за исключением того, что впервые появляется возможность глобального изменения климата. Будут продолжаться встречные тенденции консолидации политических блоков, с одной стороны, и их развала – с другой. Конечный результат не ясен, но почти несомненно он будет связан с тенденциями сокращения возможностей для свободной торговли в мире... Общественно-политические ограничения будут служить основой для пересмотра и изменения технологических систем» [Там же]. В основу энергетического проекта IIASA положена необходимость исследования возможностей «жестких», контролируемых надрегionalными структурами власти технологий глобальной торговли и обмена как энергетической стратегии, служащей миру и стабильности.

В. Зассин и П. Пенчински формулируют это следующим образом: «В действительности существует технологическая возможность получения достаточного количества энергии на все времена и тем самым возможность исключить все проблемы сырья и все экологические проблемы. Необходимо по возможности отделять технологические соображения от общественно-политических. Разумно вначале определить контуры существующих и будущих систем, способных обеспечить требуемый потенциал для миллиардного человечества – возможно, на порядки превышающий то, что способна дать неуправляемая природа. Такая попытка должна послужить политическим группам и тем, кто принимает решения, основой для анализа и оценки действительно гигантских институциональных и социальных проблем. Некоторые полагают, что общественно-политические ограничения не позволят нам воспользоваться нашими технологическими возможностями для сколько-нибудь существенного расширения материальных ресурсов человечества. Мы считаем, что такая оценка должна основываться только на непредвзятом анализе неизбежных последствий де-

тельности подобных систем обеспечения. Отказ от них носит в высшей степени политический характер и имеет далеко идущие последствия. Поэтому научный анализ не должен начинаться с молчаливого согласия с тем, что решение уже якобы принято. Вместо этого нужно напомнить о ставках в игре» [10].

Расходятся Медоуз и Ловинс и ПАСА и в вопросе о географических масштабах гибко организуемых систем. С одной стороны, эти масштабы определяются целью приспособить технологию к предположительно разрушающемуся общественно-политическому окружению; с другой стороны, они диктуются целью использовать энергетическую технологию, чтобы предотвратить возможную деградацию окружающей среды.

Сорок лет спустя выяснилось, что для обеспечения потребностей 12 млрд человек ни глобальное, ни мелкомасштабное решения не являются реалистичными.

После распада Советского Союза и Варшавского договора при кажущемся превосходстве свободных западных демократий М. Мигель и Шт. Валь в 1994 г. исследовали обозначившиеся демографические тенденции, неожиданным образом грозящие социальным системам как в странах бывшего Варшавского договора, так и в странах Западной Европы [6]. О глубинных причинах и о последствиях этих демографических изменений Мигель и Валь пишут так: «Индивидуалистические культуры являются результатом исторического развития, которое в Европе прослеживается со времен Античности. Сначала в Греции, затем в Риме начинается процесс поиска и нахождения Себя, со временем усиливающийся, неодинаковый в разных регионах и перемежающийся с отступлениями, пока он не нашел своего отражения в идеологиях: вначале робко в Ренессансе, настойчивее в Гуманизме и Реформации, еще отчетливее в Просвещении, либерализме и социализме и, наконец, совершенно открыто в индивидуализме современности.

Эта индивидуализация вытесняет Отдельного из общности и заставляет его вступить в конкуренцию с другими. Возрастает производительность как Отдельного, так и общины, и с ней растет материальное благосостояние. С другой стороны, ослабляются межчеловеческие отношения. Поскольку в этих культурах всё служит Отдельному, он не может быть включен в сообщество, тем более подчинен ему. Более того: сообщества не заданы Отдельному, они – создания индивидуальной воли. Но сообщества нужны индивидам, только если они полезны для достижения индивидуалистических целей. Таким образом, сообщество утрачивает основу своего существования.

В целом индивидуалистические культуры бесплодны или, вернее, янусоподобны. Их большой культурной, особенно экономико-культурной

силе противостоит столь же большая биологическая слабость. Культурно высокоразвитому населению угрожает утрата его физического существования» [6, с. 142].

М. Мигель и Шт. Валь видят три возможных выхода:

- консервативный вариант, отсылающий к социально ориентированной культуре («партия чаепития»);
- стремление «как-нибудь перебиться» путем поддержки семей, иммиграции, интеграции и прогрессивного перераспределения (современная германская политика красно-зеленых);
- либеральный сценарий, основанный на максимам индивидуалистической культуры, которая в результате массовой иммиграции утратит свою этническую идентичность и в конце концов угаснет.

Понадобилось 16 лет, прежде чем эта тема стала предметом недолгого, но бурного общественного обсуждения после появления книги Тило Саррацина «Германия самоликвидируется» [9]. В ее основе лежало сомнение в видении открытого глобального общества, для которого Германия хотела бы быть моделью и образцом для подражания. Однако вскоре в результате международного финансового кризиса общественное внимание отвлек другой аспект этого видения – грозящий коллапс мировой валютной системы. В связи с падением Берлинской стены и стремлением граждан ГДР к лучшей жизни Гельмут Коль попытался заменить рухнувший железный занавес золотым руном. Лозунг «Если западная марка не идет к нам, то мы пойдем к ней», вероятно, был сильнейшим стимулом к обретению единства Германии.

Сходная ситуация обнаруживается сегодня в еврозоне. Массовая миграция в Западную Европу, прежде всего в Германию и скандинавские страны, несет с собой социальные и мировоззренческие проблемы и не только подтверждает прогноз М. Мигеля и Шт. Валь, но и показывает, к каким долгосрочным последствиям приводят демографические изменения, причины которых до сих пор не хотят видеть ни политики, ни социологи.

В ответ на «Конец истории» Фукуямы и ожидания гармоничного решения экономических и технологических проблем Хантингтон в своей книге «Борьба культур» писал о крахе этих надежд: «Иллюзия гармонии оказалась именно иллюзией». И далее: «Очевидно, парадигма единого гармоничного мира слишком далека от реальности, чтобы служить надежной путеводной нитью в мире после холодной войны» [5].

Бросая из своего прибежища в Чили взгляд на потерпевший в 1990 г. поражение реальный социализм и имея в виду не только ГДР, Маргот Хонеккер предвещает: «Мы посеяли семена, которые взойдут через двадцать или тридцать лет – человека социализма» [4].

Отказ от участия в строительстве социализма был преступлением не только в ГДР. Сегодня европейские политики клеймят отсутствие соли-

дарности пока еще только как морально предосудительную позицию. Но после крушения реального социализма и в так называемых капиталистических странах с осторожной дозировкой уже принимаются законы о налогообложении, которые пробуждают к жизни этого социалистического человека. Как раз в тот день, когда появилось интервью с фрау Хонеккер, Юрген Триттин, тогдашний председатель партии зеленых, высказался по поводу требования Швейцарии арестовать троих немецких налоговиков, уличенных в краже данных из швейцарского банка «Кредит Сюис», категорически заявив, что желание утаить от германского государства то, что ему причитается, – преступление.

Так что семена, посеянные Лениным, Сталиным, Хонеккером и другими, уже давно взошли. Желание уклониться от удушающих налогов в глазах большинства политиков не только в Германии, но и повсюду в Европе выглядит как преступная попытка к бегству. Граждан, уже и без того опутанных законами о налогообложении, с помощью всё новых мер по «спасению общей валюты» как бы тащат на галеры и приковывают там рядами. Если они не захотят грести в убыстренном темпе, обеспечивающем рост государственного бюджета, они пойдут на дно вместе с кораблем под названием «Евро» – такова подспудная аргументация переноса рисков социально оправдываемого и финансируемого долгами бюджета на налогоплательщиков [13].

Социальное государство – конечная цель, вырастающая из представления, что все внешние жизненные проблемы можно в конце концов решить путем внутреннего перераспределения в рамках большей, по возможности глобальной структуры. Почему же в XX веке возник и стал основным направлением политики этот перенос ответственности за свою судьбу с отдельного индивида на коллективистское государство, которое никто не может привлечь к ответу и которое не может обанкротиться? На этот прямо-таки еретически звучащий вопрос пока нет ответа в серьезных философских и антропологических трудах.

Очень вероятно, что глубинную причину этого знаменательного цивилизационного зигзага – эпидемии «левых» идей – следует искать в процессе урбанизации сообществ, наблюдаемом на всех этапах экономического развития.

Городские формы жизни нужно понимать как причину появления массового человека и одновременно как его будущее. Эти формы характеризуются в высшей степени дробным разделением труда. Городские миры мешают живущим в них людям воспринимать собственно основы жизни. Общество, зависящее от технической цивилизации, не видит ни своих внутренних зависимостей и переплетений, ни внешних условий поддержания своего существования в длительной перспективе. Его члены всегда

имеют дело лишь с малой долей артефактов, необходимых для благополучия общества. Кроме того, не существует «городской природы» (в отличие от природы, которую сельские жители еще находят в рудиментарной форме в культурном ландшафте). Созданная техникой «окружающая среда» покоится на невидимых технических и соответствующих им абстрактных основаниях. Техника и абстракция образуют плотный слой над первоначальным пространством жизни – «природой». Над экосферой образовалась техносфера, сильно ограничивающая взгляд «вниз».

Сегодня в городских сообществах лишь очень немногие имеют непосредственный контакт с этим «низом». Эти основы мы для краткости называем природными ресурсами. Цивилизационно доступные ресурсы – это не пространственно распределенные месторождения ценных химических элементов и их органических и неорганических соединений. Цивилизационные ресурсы сводятся к тому, что доступно современной развитой технике. Это коренным образом отличает современную промышленную цивилизацию от цивилизаций аграрных, которые она сменила повсеместно в мире за последние два поколения. Раньше преобладающая часть населения видела, что дает природа целеустремленному человеку на его собственном индивидуальном поле деятельности. Но на что урбанизированная цивилизация опирается сегодня, знают лишь немногие специалисты: фермеры и лесничие, работники на водозаборных и очистных сооружениях, проектировщики энергодобычи и добычи сырья, и т. п. Вместе они насчитывают менее 10 % всего населения, а в наиболее урбанизированных странах – менее 5 %.

И даже долями процента не исчисляется та часть населения, которая работает над системными вопросами, возникающими из сложного взаимодействия техники, природы, народонаселения и регулирующих их соглашений и ценностей. К тем немногим ученым, голос которых изредка пробивается в СМИ, относятся геологи, геохимики, геофизики, метеорологи, гидрологи и океанографы, эпидемиологи, статистики – те, кто в состоянии исследовать и оценить глубокое воздействие городской цивилизации на природные системы планеты. Антропологи же и философы, занимающиеся закономерностями и тенденциями развития цивилизаций и культур, даже в научном сообществе образуют чрезвычайно малую величину – по отношению ко всему населению это «редкоземельные элементы». Воздействие их взглядов на современное общество едва ощутимо, разве что при возникновении крупных социальных проблем. Положение и влияние таких системных аналитиков можно пояснить следующим сравнением: человек хочет словесно предупредить жителей муравейника о грозящем оползне и при этом надеется на перемены в образе жизни муравьев.

Для чрезвычайно стесненных городских цивилизаций справедливо сравнение с пчелами и муравьями: подобно последним, их особи только в виде исключения пребывают в состоянии «встречи с природой» во время кратких вылазок в открытую и опасную среду. Этот опыт переживания исключительных ситуаций не передается генетически. Этому препятствует специализация отдельных частей населения на добывании пищи, защите, заботе о потомстве и продолжении рода. «Массовые» насекомые обычно живут в сообществе, в котором они могут чувствовать себя в безопасности, пока они выделяют характерный запах гнезда или сот. Они не имеют представления о состоянии своей колонии или своего роя. Они следуют биологически закрепленным правилам, а не индивидуальным рациональным расчетам.

Судя по всему, общественное осознание возможностей и пределов, а особенно слабых мест и рисков господствующей сегодня городской цивилизации отсутствует. Это и неудивительно. Цивилизации суть метафеномены. Их развитие не управляется изнутри. Тем не менее их судьба до известной степени предсказуема.

Короткий ретроспективный взгляд помогает лучше понять современную ситуацию, ставшую в прошлом веке неудержимой. Слово «неудержимый» при этом – более точная характеристика, чем приукрашивающее «устойчивый». Некоторые придают слову «устойчивый» конституирующий смысл. Политика подразумевает: устойчивость достижима, если будут усилены те меры и действия, которые и привели к искаженному развитию нашей цивилизации, а именно к усилению роли государства. Эта тенденция побуждает кратко остановиться на отношении между формальным и неформальным существованием граждан в государственной структуре.

С утратой субсистентной формы хозяйствования (т. е. семейного производства товаров и услуг) и вступлением в стадию дробного разделения труда земля за городской чертой становится вспомогательным пространством, пригодным лишь для эксплуатации. Для сильно стесненной массы населения она нужна только как источник снабжения и место для отходов. Образуется непреодолимый конфликт между теми, кто стремится к эксплуатации земли (глобалистами с замашками кочевников), и еще немногими оставшимися на ней жителями, вынужденными отстаивать свое жизненное пространство. Между этими полюсами, между *urbis et orbis*, колеблются современные зеленые, эти гермафродиты, возводящие в ранг религии несовместимое – глобальную предпринимательскую свободу с целью перманентной эксплуатации природы, с одной стороны, и городскую замкнутость – с другой. В перенаселенных кварталах городов-миллионников они хотят возродить сельскую жизнь, да еще с окраской третьего мира.

При том они не видят, что миссионеры отправлялись и отправляются на чужбину только для того, чтобы обрести более высокий статус на родине. Провинция никогда не станет их настоящей родиной, даже если они основывают там латифундии с административными функциями. Их подлинной целью всегда оставались королевский двор и епископская или даже папская резиденция, которая и дает возможность вообще стать миссионером. В прошлом за такими миссионерами всегда шли завоеватели. И «посланники», а особенно те, кто борется за лучшую жизнь в этом мире, знают, что только Корона решает, как завоеванные земли должны быть распределены в качестве ленных владений. Технические миссионеры устойчивого образа жизни в наши дни, разумеется, не могут повлиять на раздачу будущих экологических ленных владений. Для веры им, как и рекламным и рыночным экспертам, недостает понимания их собственных жизненных основ, тем более принципов жизни тех, на кого направлена их деятельность. Эта деятельность в конечном счете служит идее, последствия которой нелегко оценить и за которые ее адепты не хотят нести ответственность. Разделение труда с самого начала вело к централизации власти – процессу, который создавал метрополии и которые Цезарь своим «*Divide et impera!*» навеки занес в родословие *Homo sapiens*.

Это вызывающее утверждение можно проиллюстрировать простыми наблюдениями, доступными каждому.

Само восприятие повседневной экономической реальности сегодня сильно затруднено. Экономика и государство «четко видят» только то, что можно измерить и чем можно управлять с помощью денег. Из поля зрения экономистов (а вслед за ними и всех остальных) выпадают почти все лишь кажущиеся маловажными виды деятельности, которые служат производству товаров и услуг «без оплаты», т. е. без количественной оценки, и которые свободно обмениваются людьми. Граница между частной экономической деятельностью и деятельностью рыночной и публичной, скрупулезному учету которой государство придает такое большое значение с целью контроля, надзора и прежде всего с целью налогообложения своих граждан, не видна, хотя каждый ежедневно многократно пересекает ее. Эта асимметрия восприятия особенно ярко отражается в дискуссиях о роли женщины.

С переходом к рынку контроль над гражданами стал переходить от церкви к государству. Над моральными, т. е. качественными, принципами стали преобладать количественные. Возникло впечатление, укрепившееся по мере политизации разговорного языка, что благосостояние населения идентично доходам, измеряемым в денежных единицах. Не поддающиеся монетарной оценке частные виды «внеэкономической» деятельности воспринимаются как несущественные. Их рассматривают как способ прове-

дения досуга, растрату продуктивного потенциала – т. е. как нечто малоценное. Преобладает мнение, что то, что не проходит через рынок, мало способствует благополучию и жизнеспособности общества и государства. На деле же в самом понятии рыночной экономики лежит один из самых больших ее изъянов. Она низводит человека на уровень торгово-обменных отношений.

Попытка компенсировать этот изъян введением в рыночную экономику социального компонента, как это представлял себе Л. Эрхардт, была неудачной. Потребность ответить на чужую личную услугу также лично, а не через посредство третьих лиц – идет ли речь о родителях и детях, о более широких семейных связях или о деревенской общине – угасает по мере того, как единственной значимой единицей измерения экономических услуг становятся анонимные монетарно выраженные долги. Выправить положение призваны «договоры между поколениями», прокламируемые государством. Но это намеренный самообман, популизм – такие «договоры» в конечном счете ведут к нивелированию индивидов, превращению их в массу, которой легче управлять.

Насколько плохо это сегодня осознается, можно показать на примере предложений об оценке затрат времени на оказание личных услуг в рамках семьи или более широкого круга родственников на основе фиктивных почасовых расценок, которые должны выплачиваться на «рынке труда» для выполнения основной задачи всякой экономики: поддержания смены экономических поколений. Эти затраты оказываются сопоставимыми с теми услугами чужих третьих лиц, которые все чаще можно получить за деньги на рынке.

«Производство» одного образованного и получившего профессию «нового гражданина», готового заместить уходящего на пенсию «старого гражданина», обходится родителям приблизительно в полмиллиона евро, начиная с расходов на роды, далее на День первоклассника и другие важные события, включая расходы на празднование получения диплома о высшем образовании. В дополнение к этому родители должны посвятить ребенку значительную долю семейного труда по его физической, эмоциональной и интеллектуальной поддержке, с тем чтобы он стал полноценным членом цивилизованного сообщества, основанного не только на высокой специализации, но и на готовности к сотрудничеству. При минимальной нагрузке на одного родителя в размере два часа в день без учета помощи других членов семьи объем этой семейной работы вплоть до окончания профессиональной подготовки «новой рабочей силы» достигает примерно 50 000 часов. Даже при минимальной оплате неквалифицированного домашнего труда по ставке 10 евро в час это потребует дополнительно полмиллиона евро на одного ребенка, не учитываемых никаки-

ми расчетами производства социального продукта. Разделяемая многими мысль о необходимости денежного возмещения расходов гражданина по воспитанию детей с целью доверить его (за плату) третьим лицам, «профессиональнее» выполняющим эти задачи в детских садах и интернатах, могла прийти в голову только барону Мюнхгаузену. Ведь семья, получающая такую социальную помощь, должна будет вначале выплатить сумму этой помощи в виде налогов, чтобы оплачивать работников детских садов, школ и интернатов. Арифметически это увеличивает общий экономический эффект, т. е. официальный брутто-продукт, но в реальности это ведет лишь к перераспределению одной и той же работы между разными людьми. Выгода от организации обслуживания сразу многих детей «на конвейере» будет потрачена на наем новых госслужащих для взимания и распределения новых налогов, контроля за «новыми» рабочими местами и для организации отдельного рынка услуг.

Можно привести другие примеры подобного увеличения национального брутто-продукта за счет растущего числа неполных семей, растущей плотности городского населения и уменьшения численности сельского, за счет интеграции мигрантов, призванных заместить нерожденных детей в стареющем обществе для поддержания государственных социальных систем. В действительности же наблюдается сокращение инвестиций, критически важных для будущего, но не проходящих через рынок и оплачиваемых только личными обязательствами. Значительная доля роста экономики в монетарном выражении объясняется таким переводом личной деятельности в анонимную общественную.

Д. Гребер написал основополагающий труд о феномене обезличивания долга и связанном с ним возможном превращении личных обязанностей в конвертируемые долги [2]. В книге содержатся многочисленные примеры ставших возможными благодаря этому шагу злоупотреблений на протяжении 5000 лет человеческой истории. Но Гребер не рассматривает воздействие денег как инструмента власти на развитие идеи государства. Государство, особенно в XX веке, стало той силой, которая желает только добра и молчаливо позволяет своим служителям создать из ничего власть, а также ее негативную сторону – злоупотребление ею. С помощью денег политический класс постепенно превратился в Большого Брата. Ради самих же людей, как он говорит, он освобождает их от ответственности за себя и других. Деньги как исключительная собственность государства даются гражданам лишь взаймы, чтобы управлять их действиями. То, что государство делает со «своей собственностью», с деньгами эмиссионных банков – не дело граждан. При этом центральные банки не контролируются парламентами; дело обстоит как раз наоборот. По-иному нельзя расценить положение в Европе и на других континентах после конца холодной войны.

Если взглянуть в глубину веков, можно увидеть, что деньги в руках государства всегда таили в себе разрушительный потенциал, постепенно ставший более мощным, чем механические средства, будь то топор, динамит или расщепляющиеся ядерные материалы. Еще никогда в такой степени результат применения средств власти не зависел исключительно от того, для чего они применяются на деле, а не от того, для чего они якобы были созданы. Не следует забывать, что всеми проклинаемые банки и финансовые рынки получили возможность спекулировать деньгами только после того, как политики подорвали те принципы, которые когда-то еще публично провозглашались на купюрах немецкой марки первых трех серий: «Подделка или введение в оборот поддельных денежных знаков наказываются лишением свободы на срок не менее двух лет»³.

С тех пор как эмиссионные банки покрывают государственный дефицит, заявление о защите собственности граждан с банкнот исчезло. Собственность граждан находится в угрожаемом промежуточном состоянии и нуждается в защите государства только в процессе обмена товаров и услуг, который в экономике с разделением труда происходит только при посредстве денег. Именно в этот момент государство и собирает почти все свои налоги. Трудно представить себе больший институциональный конфликт интересов между защитой и объемом собственности.

Примечательно, что сегодня предпринимаются попытки заставить забыть, что правительства завладевали печатным станком именно для того, чтобы пустить в оборот те самые «пустые» банкноты, которые и вызвали долговой кризис почти во всех государствах. Оглядываясь назад, можно сделать вывод, что финансирование дефицитных бюджетов ничем не обеспеченными деньгами эмиссионных банков на деле и было собственно политической целью Европейского валютного союза.

Это объясняет то, почему европейские политики с таким упорством добивались создания механизма европейской стабильности (European Stability Mechanism) с его независимым советом управляющих. Европа, кардинально изменившаяся под лозунгом «Немецкое единство за немецкие деньги», чувствует себя достаточно сильной, чтобы перейти Рубикон и одним махом подчинить «сенат» всех стран Еврозоны. Даже германское правительство, которое все упрекают в том, что оно настаивает на проведении «варварского» курса экономики, желает сохранить привилегию влезать в долги, поощряя заключение казначейских соглашений. Такие соглашения не имеют ничего общего с экономией. Напротив, конституционным правом государства теперь должно стать ничем не ограниченное налогообложение граждан. «Долговой тормоз» предусматривает лишь выравнивание бюджетов, но не снижение государственных расходов. Деньги эмиссионных банков для государ-

³ Надпись на банкнотах 1962 г.

ственного финансирования и отрицательные процентные ставки – вот та альтернатива, которую в будущем не сможет избежать ни один парламент, когда налоги станут слишком непопулярной ценой в ответ на римское требование *Panem et circenses!* («Хлеба и зрелищ!»).

Столь сильно изменившуюся картину Европы – мир между народами, оплачиваемый долгами, – ожидает та же участь, что и либерализм, социализм, а до того – разные катехизисы Священного Писания. Все они оказываются лишь путеводителями для лунатиков. Сторонников таких идеологий не интересует, куда ведут их учения – по меньшей мере, пока перед изумленным взором не развернется бездна. Испытываемый при этом шок разрушает картину мира, а с ней и образ человека.

Альтернативные видения для XXI века?

В книге «Кто правит миром? Почему цивилизации господствуют или становятся объектами господства» [7] И. Моррис резко порывает с классической историей. Помимо описания симптомов он ищет причины зарождения и гибели цивилизации. Моррис рассматривает развитие *Homo sapiens* и при этом уделяет особое внимание той основе, которую это существо создало для себя. Он приходит к выводу: «Закономерные исторические процессы дают нам хорошее представление о том, что произойдет дальше. История не заканчивается с победой Запада. Соперничество сил обновления,двигающих общественным развитием, и деструктивных сил, противодействующих им, далеко от завершения. Возникает величайший вопрос нашего времени: успеет ли человечество проложить дорогу к совершенно новому бытию, прежде чем нас постигнет катастрофа и навсегда покончит с нами?» [Там же]. По мнению Морриса, исторический «туман» над нашим будущим развеется в ближайшие тридцать лет.

Западное видение будущего глобального общества благосостояния, основанного на «зеленых» принципах, общества, в котором высшей политической целью будет социальная справедливость и в котором будет достаточно простора для разнообразия индивидуальной жизни, – это фата моргана. И его разделяют далеко не все. Поэтому Запад находится сейчас в стадии духовного переворота, навязывающего нам хаотичные перемены. В силу доминирования Запада в мире этот переворот охватит и потрясет другие культуры.

Вопрос «Кто правит миром?» при реалистичном взгляде переходит в вопрос: «Чем и посредством чего управляется мир?». Как всегда, ответ будут искать ученые и бизнесмены. Но на этот раз ответ может быть дан не в материальной форме, но только как чистая информация. Хотя чистая информация, в принципе, доступна каждому, жизненным преимуществом она становится только для тех, кто в состоянии получить ее даже в экстре-

мальных условиях и извлечь из нее пользу. Собственно говоря, эволюция никогда и не действовала иначе. Демократия, понимаемая как власть простого народа, – идеал, основанный на предположении, что в конечном счете все люди не только равны, но и обладают равными шансами. Эта форма саморегуляции человеческой популяции – величайшее искажение тех принципов, на которых строится жизнь. Это всегда знали основатели религий: не народ выбирает Бога – Он избирает Себе Свой народ.

Вывод, к которому приходит Моррис: и лишь предположительная Великая Сингулярность (все важные решения принимаются лишенными эмоций компьютерами, поскольку никакой отдельный индивид не в состоянии охватить всю ситуацию), и реальные, но неприемлемые Сумерки миров уже в XXI веке могли бы привести к эволюционно новому человеку. Увы, этот вывод (в утешение читателю лучше сказать Надежда) нарушает железный закон эволюции. Эволюционное «решение» предполагает, что популяция должна пройти через некое бутылочное горлышко, как сам Моррис показывает это на примере истории. Когда примерно 10 000 лет назад во время предпоследнего ледникового периода с его чрезвычайно суровыми условиями имел место жесткий естественный отбор, выжили лишь те немногие – с особым набором генов и особой культурой, которые стали нашими предками и которых мы называем *Homo sapiens*. Те же, что не выжили, были лишены шанса испортить пул генов и идей, приобретенный ценой больших жертв. Эволюционных решений не бывает без таких беспощадных условий. Итак, к сожалению, альтернатива Морриса вопреки его надеждам оставляет только перспективу Сумерек миров.

Если и существует гуманная возможность не дать сегодняшнему Человеку толпы уничтожить самого себя, то только путем воздействия на его восприятие. Но оказать его могут только существа, достаточно отличные от толпы и способные держаться в тени. Проблема, которую должны решить эти «другие», заключается в том, чтобы для собственного физического и ментального продолжения найти подходящих партнеров, которым они могли бы передать свои особые качества и способности и с которыми они могли бы защитить себя от деструктивного влияния толпы. Если же этой группе не удастся объединиться и выработать общую стратегию, то толпу еще в этом столетии ждет судьба, постигшая 60 млн лет назад динозавров. И роль метеорита на этот раз сыграет сама толпа.

Как же должна выглядеть эта стратегия? Стабильное сосуществование социальных систем на нашей планете достижимо только путем иерархического разделения мира на относительно самостоятельные регионы, развивающие свои собственные формы цивилизации. «Стада», с которыми идентифицирует себя *Homo sapiens*, должны быть небольшими и поначалу более многочисленными. На какое-то время контакты между ними

должны быть ограничены. Политические, юридические, социальные и экономические структуры должны будут приспосабливаться к ограниченным климатическим, геологическим и демографическим условиям своих обособленных территорий с целью развития своих устойчивых и стабильных форм. Таким образом, *Homo billionis* должен будет сделать шаг к преодолению конфликта между индивидуальным стремлением к росту и коллективным стремлением к экспансии путем пространственного и информационного подразделения на «континентальные» группы.

Это означает, что придется распрощаться не только с идеей универсальной конституции и постулируемыми в ней правами человека. Последние и так уже находятся в противоречии с глобальной действительностью, которое невозможно отрицать. Это означает также отказ от мифа о единстве нашего биологического вида. Способность новой элиты разработать иную «глобальную» стратегию, вероятно, будет решающей для возможности избежать упомянутой альтернативы – превращения людей в рабов машин или наступления Сумерек миров. Если бы носители «космического разума» высадились на планете Земля, то неизвестно, признали бы они одним видом жителей гигантских «термитников» Нью-Йорка, Токио, Москвы, Лагоса, Мумбая и индейцев бассейна Амазонки или эскимосов в Арктике. Поскольку целью пришельцев скорее всего было бы не сохранение *status quo* на планете Земля, а ее освоение, они наверняка овладели бы коммуникационными системами «сообществ термитников», так как именно эти системы дают этим сообществам возможность действовать и одновременно ограничивают эту возможность. Достаточно сделать маленький шаг от этого мысленного эксперимента, чтобы понять, что именно *Homo billionis*, а не *Homo sapiens* является тем волком, роль которого Томас Гоббс приписывает США в своей интерпретации высказывания Тита Плавта: *Homo homini lupus est*. Смертельно опасен не волк, а волчья стая. В *Homo billionis* мы должны видеть ту чуждую систему, тех «пришельцев», которые навязут принцип выживания сильнейших, если мы не вернемся к нашим различиям.

Значение различия как условия стабильности становится ясным при взгляде на экологию. В природе мы видим кардинально различные жизненные ниши и лишь немногих существ, способных переходить из одной ниши в другую. Глобальное сосуществование различных мегабиотопов сохранялось на протяжении геологических эпох. Обитающие в них сообщества животных и растений изменялись и развивались даже при крайне нестабильных внешних геофизических условиях. Такие мегабиотопы никогда не конкурировали друг с другом в форме вторжений и завоеваний. Тропические леса и их обитатели никогда не покушались на ресурсы, находящиеся в тайге или тундре, и наоборот: великаны первобытных лесов

не заслоняли свет растениям северных лесов, северные хвойные деревья не забирали из почвы тропиков азот, фосфор и микроэлементы. Исключения из этого «невмешательства» обнаруживаются лишь у некоторых видов, перемещавшихся между мегабиотопами разных континентов, например у перелетных птиц или у китов в океане. Они устанавливают отношения обмена, не затрагивающие всю массу отдельных биосфер, но скорее служащие переносу «информации» между ними и тем самым их свободной связи. Пример – перенос птичьего гриппа. Такие же отношения между оседлыми и мигрирующими видами. Примерами свободной связи являются опыление и распространение семян некоторых видов растений перелетными птицами, а также быстрые изменения генофонда в суровых условиях естественного отбора у мигрирующих видов. Известно, например, что только 50 % из примерно 20 млрд перелетных птиц выживает в годичном цикле перемещений – классическая ситуация дарвинского естественного отбора. Ее значение для биологического разнообразия и для долгосрочных изменений аборигенных видов в мегабиотопах до сих пор не изучено. Тем более отсутствует понимание того, какие отношения обмена между большими частями биосферы или мегабиотопами, как бы их ни называли, обеспечивают долгосрочную стабильность или на целые геологические эпохи формируют способности к приспособлению.

Независимо от еще неизвестных деталей естественных экологических процессов в прошлом можно утверждать, что современный человек за короткий срок решающим образом повлиял на поток информации в экосфере. Как биологическое существо, вместе со своими домашними растениями и животными с их искусственным иммунитетом он уже примерно 200 лет присутствует во всех биотопах. Он распространяет химические субстанции, занимает большие площади под монокультуры, изменяет состав почвы и вмешивается в круговорот веществ в атмосфере и гидросфере. Своей экологической глобализацией он перевел стрелки на создание Глобального биотопа. Будущие свойства и формы проявления, потенциал и возможности перемен этого биотопа не поддаются оценке. При этом путь в Неизвестное определяется не столько непосредственным локальным вмешательством, сколько тем фактом, что человек начал информационно «закорачивать» мегабиотопы, до сих пор бывшие в значительной мере изолированными друг от друга. Этот действительно глобальный и сложный экологический эксперимент принимает более широкий характер, чем парниковый эффект, окисление морей, бесконтрольная вырубка лесов и вылов рыбы или заражение отдельных пищевых цепочек. Сегодняшняя защита окружающей среды или исчезающих видов на этом фоне оказывается необходимой реакцией на симптомы, но не путем к ограничению цивилизационных угроз глобальному жизненному пространству со

стороны Homo billionis, стремящегося приспособить его к своим потребностям.

Этот системный конфликт между природой и цивилизацией побуждает провести аналогию между процессом эволюции жизни на планете Земля и развитием цивилизаций, вместо того чтобы и дальше следовать призыву «Покорите (всю) землю!». Вместо того чтобы продолжать уничтожение остатков разных цивилизаций дальнейшей экспансией технически регулируемой мировой экономики, им следует дать шанс сохранить самих себя, как это делается для исчезающих биологических видов. Для этого было бы достаточно ограничить обмен информацией между этими конкурентами, ошибочно считающимися неравномоощными. Постепенно это само по себе привело бы к разрыву материальных связей между ними. Это остановило бы безудержный, бесконтрольный массовый рост Homo billionis, если это еще возможно. Главное при этом не борьба с количественным ростом, а борьба за общую стабильность системы, недостижимую без стабильности ее элементов.

Что означало бы это для политической и экономической жизни? Финансовые рынки, рынки труда, базисные технологии, наконец, повседневные привычки должны будут снова замкнуть обмен товарами и услугами в пределах континентов. Внутри таких мегаструктур субсидиарность как сдерживающий фактор определит границы внутренней интеграции и предотвратит полную унификацию. Это неизбежно приведет к ограничению обмена как между различными цивилизационными структурными образованиями, так и внутри них и к появлению наряду с индивидуальной частной сферой своего рода культурно-специфических частных сфер. Ведь сегодня СМИ распространяют по всему миру почти идентичный образ Homo sapiens, ценности которого были доцивилизационны, безграничны и обязаны свободе немногих из наших предков [11, р. 31]. Межрегионально решаемой задачей станет прагматичная, основанная на принципе разъединения стратегия, способствующая ограничению общего доступа к гидро- и атмосфере, которые, в отличие от земной сферы, не имеют естественной жесткой структуры и естественных границ. Такая стратегия будет вынуждена опираться только на принципы угрозы неминуемого взаимного уничтожения существенных жизненных основ каждой из сторон.

Необходимым дополнительным условием для этого станет создание действенного механизма контроля и санкций. Этот комплекс задач ориентирован на перераспределение прежних средств власти и стратегий, которые больше не могут быть направлены против людей и инфраструктур без одновременного разрушения цивилизационных структур в результате массовых миграций. В конечном счете физические средства власти неизбежно предполагают разрушение тех материальных основ, на которых толь-

ко и строятся модели жизни – будь то природные ресурсы, инфраструктура или биологически обусловленные феномены, включая эмоциональные мотивы и ценности. Если же они будут подлежать «цивилизации», то возможные экзистенциальные конфликты должны будут быть перенесены в информационную среду и сферу контроля над процессами восприятия. В своем эпохальном труде «О процессе цивилизации. Изменение поведения светской верхушки западного мира и изменение общества – проект теории цивилизации» [1] Норберт Элиас прослеживает развитие психических и социальных структур в эпоху, когда практически все материальные границы, казалось бы, могли быть произвольно расширены. Но отдельный индивид не может охватить весь объем знаний о миллиардах людей и об условиях их жизни, а потому не может о них судить.

Не исключено, что в будущем «континентальная» оборона может сконцентрироваться на возмещающем вмешательстве в «ничейную территорию», океан и атмосферу, воздействие на которые для всех цивилизационных партнеров может выразиться лишь в постепенных изменениях «естественных условий жизни», приспособиться к которым сможет каждый партнер. Против того, кто к этому не будет готов, выступают «все», но при этом никого конкретно нельзя было бы считать прямым конкурентом, источником потенциальной опасности или даже врагом.

Идея же Global Commons, за которую выступают юристы, в противоположность этому направлена на дискриминацию тех, кто «прицепился сзади» – неспособных или эгоистичных сообществ, с тем смелым обоснованием, что путем коллективного контроля антропосферы можно якобы с любой желаемой точностью управлять экосферой. Сама по себе идея коллективного менеджмента целой планеты явилась причиной тяжелейших конфликтов в антропосфере на том уровне, где взаимодействуют человеческая история и ее материальная основа, вообще сделавшая ее возможной.

Сферу государственной деятельности и философии должны занять «немногие избранные». Ими не могут быть политики, опирающиеся на большинство, как не могут быть ими и представители монотеистических религий или идеологий, навязывающие свой ограниченный опыт из очень специфических областей жизни в качестве всеобщих, вечных жизненных моделей.

Можно лишь надеяться, что те подходы, которые мы извлекли из истории природы, в конечном счете выведут нас к стратегиям эволюции, породившим стабильные экосистемы. Нам нужны организационные модели власти и ее ограничений, позволяющие поддерживать раздельное сосуществование разных цивилизационных ниш и таким образом спасти от гибели не только якобы слабейших, но – и прежде всего – наиболее сильных. Об этом

нам напоминает экспансия и Римской империи, и Европы в XIX – начале XX века и, наконец, гонка вооружений США и Советского Союза.

В любом случае в XXI веке *Homo sapiens* проявит себя как то, чем он действительно является: возникшим в далеком прошлом существом с узким кругозором – в пространстве, во времени и во множестве других Я и многих МЫ, – обреченным на постоянные поиски утраченного рая. Необходимо без промедления задуматься об альтернативном рае для *Homo billionis* и о рае для *Homo culturis* как наследника *Homo sapiens*, потому что неотрефлексированная надежда на то, что в рай Адама и Евы могли бы войти миллиарды, обернется кошмаром.

Послесловие-цитата

75-летний Стивен Хокинг предупреждает о социальном неравенстве и призывает к смирению.

«Озабоченность экономическими последствиями глобализации и ускользящих технологических изменений абсолютно понятна. Автоматизация уничтожила большую часть рабочих мест на производственных предприятиях. С появлением и развитием искусственного интеллекта под угрозой оказались и рабочие места среднего класса. В конце концов останутся только занятые в интенсивной терапии и креативные работники, а также управленческий и надзорный персонал. Это обострит и без того уже распространенное экономическое неравенство в мире. Интернет создает платформы, на которых немногие могут извлекать невероятную прибыль, не привлекая большого числа сотрудников. Это нельзя изменить. Это прогресс. Только, к сожалению, он несет с собой и социальную несправедливость».

Через несколько столетий мы, возможно, колонизируем ту или другую звезду и создадим там человеческие поселения, но пока у нас только эта планета, и мы все должны постараться сохранить ее. Для этого мы должны устранить барьеры внутри стран и между странами, а не укреплять их. Если мы хотим сохранить для себя этот последний шанс, то люди, ответственные за решения в этом мире, должны признать, что они не справились и оставили в беде большинство населения. Ресурсы концентрируются все больше и больше в руках немногих, а потому мы должны научиться делиться больше, чем до сих пор. Поскольку исчезают не только рабочие места, но целые отрасли промышленности, мы обязаны помочь людям получить образование для нового мира и тем временем оказать им финансовую поддержку. Если сообщества и национальные экономики не справятся с миграцией, мы обязаны сделать больше для глобального экономического развития. Потому что это единственная возможность убедить миллионы потенциальных мигрантов строить будущее на своей родине.

Это возможно. В отношении биологического вида Человек я неисправимый оптимист. Но элиты – от Лондона до Гарварда и от Кембриджа до Голливуда – должны извлечь урок из событий последних месяцев. Прежде всего они должны обрести известную меру смирения и скромности» [3].

Литература

1. *Elias N.* Über den Prozess der Zivilisation: soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Bd. 1. Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. Bd. 2. Wandlungen der Gesellschaft. Entwurf zu einer Theorie der Zivilisation. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976.
2. *Graeber D.* Debt – the first 5000 years [Electronic resource]. – New York, Melville House, 2011. – 534 p. – URL: https://libcom.org/files/___Debt___The_First_5_000_Years.pdf (accessed: 07.02.2018).
3. *Hawking S.* This is the most dangerous time for our planet [Electronic resource] // The Guardian. – 2016. – 1 December. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/01/stephen-hawking-dangerous-time-planet-inequality> (accessed: 07.02.2018).
4. *Kuzmany S.* ARD-Doku über Margot Honecker: Die furchtbare Frau [Electronic resource] // Spiegel Online. – 2. April 2012. – URL: <http://www.spiegel.de/kultur/tv/tv-kritik-ard-doku-ueber-margot-honecker-a-825187.html> (accessed: 06.02.2018).
5. *Huntington S.P.* Kampf der Kulturen: Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. – München: Siedler bei Goldmann, 1998. – 581 p.
6. *Miegel M., Wahl St.* Das Ende des Individualismus: Die Kultur des Westens zerstört sich selbst. – München; Landsberg Am Lech: Aktuell: MVG-Verlag, 1994. – 207 p.
7. *Morris I.* Wer regiert die Welt? Warum Zivilisationen herrschen oder beherrscht werden. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2011. – 656 p.
8. *Orwell G.* Nineteen Eighty-Four. – London: Secker & Warburg, 1949.
9. *Sarraşın T.* Deutschland schafft sich ab: wie wir unser Land aufs Spiel setzen. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. – 464 p. – ISBN 978-3-421-04430-3.
10. Which Way to Go? Observations based on discussion on global perspectives and energy strategies / W. Sassin, D. Meadows, U. Lovins, P. Penzcynski. – Laxenburg: IIASA, 1977. – 21 p. – (IIASA Professional Paper; PP-77-9).
11. *Sieferle R.P.* Krieg und Zivilisation: Eine Europäische Geschichte. Heidelberg, 2016. – 578 p.
12. *Wells H.G.* Die Zeitmaschine. – München: Verlagsgesellschaft, 2017. – ISBN 978-3-423-43061-6.
13. *Zinn G.V.* Meilensteine einer gescheiterten Politik // Wirtschaftswoche. – 2016. – 28 October. – N 45.

Статья поступила в редакцию 09.10.2017 г.

Статья прошла рецензирование 20.10.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-27-48

IMAGES OF THE WORLD: IDEAS OF FREEDOM, EQUALITY, BROTHERHOOD AND THEIR TRANSFORMATIONS

Part 2⁴

Sassin Wolfgang,

Dr. of Sc. (Engineering),

Alumnus Technical University Munich,

Arcisstraße 21, Munich, Bavaria, 80333, Germany

wolfgang@sassin.at

Abstract

The triumphant scientific and technological development of humankind in the 19th century gave rise to the idea of continuous human progress. However, the tragic events of the 20th century and the understanding that the human world is directly confronted with global problems, the problem of energy supply in particular, require new approaches to the comprehension of the future. The article discusses the problem of the survival of society, based upon the ideal of the well-being of an individual, not the community. The ideology of this society is unable to cope with the demographic problems associated with mass migration, leading to the loss of ethno-cultural identity. Therefore, in the twentieth century the main direction of state politics is the transfer of responsibility from the individual to the collectivist state. The specific role in this is played by urban lifestyle, which separates a man from nature and replaces the natural environment by technosphere. Only the vanishingly small part of the population is aware of the problem of long-term survival of the urban civilization and is working on systemic issues arising from a complex interaction of technology, nature, population, and the agreements and values regulating this interaction. Thus, the ideology of the greens contains insoluble and, more importantly, unconscious contradiction between the struggle for global freedom of enterprise with the purpose of permanent exploitation of nature on the one hand, and urban isolation on the other. The article discusses the fact that the biggest flaw of a market economy is that it reduces a man to the level of trade and exchange relations. This, in turn, leads to the profound institutional conflict of interests between protection and the amount of ownership. Therefore, the European ideology based on the pursuit of peace among peoples, which requires payments of the growing debts, has met the same fate as liberalism and socialism. The stable coexistence of different social systems on our planet can only be achieved through the hierarchical division of the world into relatively autonomous regions developing their own forms of civilization.

Keywords: scientific and technical progress, energy problem, individualism, urbanization, urban life, market economy, migration, conflict of interests.

⁴ Initial part see: Sassin W. Images of the World: Ideas of Freedom, Equality, Brotherhood and their transformations. *Ideas and Ideals* – *Ideas and Ideals*, 2017, Issue 4, part 1, pp. 9–27. – doi: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-9-27.

Bibliographic description for citation:

Sassin W. Images of the World: ideas of freedom, equality, brotherhood and their transformations. Pt. 2. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 1, pp. 27–48. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-27-48. (In Russian).

References

1. Elias N. *Über den Prozess der Zivilisation: soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen*. Bd. 1. *Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes*. Bd. 2. *Wandlungen der Gesellschaft. Entwurf zu einer Theorie der Zivilisation*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1976.
2. Graeber D. *Debt – the first 5000 years*. New York, Melville House, 2011. 534 p. Available at: https://libcom.org/files/___Debt__The_First_5_000_Years.pdf (accessed 07.02.2018).
3. Hawking S. This is the most dangerous time for our planet. *The Guardian*, 2016, 1 December. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/01/stephen-hawking-dangerous-time-planet-inequality> (accessed 07.02.2018).
4. Kuzmany S. ARD-Doku über Margot Honecker: Die furchtbare Frau. *Spiegel Online*. 2. April 2012. Available at: <http://www.spiegel.de/kultur/tv/tv-kritik-ard-doku-ueber-margot-honecker-a-825187.html> (accessed 06.02.2018).
5. Huntington S.P. *Kampf der Kulturen: Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert*. München, Siedler bei Goldmann, 1998. 581 p.
6. Miegel M., Wahl St. *Das Ende des Individualismus: Die Kultur des Westens zerstört sich selbst*. München, Landsberg Am Lech, Aktuell, MVG-Verlag, 1994. 207 p.
7. Morris I. *Wer regiert die Welt? Warum Zivilisationen herrschen oder beherrscht werden*. Frankfurt am Main, Campus Verlag, 2011. 656 p.
8. Orwell G. *Nineteen Eighty-Four*. London, Secker & Warburg, 1949.
9. Sarrazin T. *Deutschland schafft sich ab: wie wir unser Land aufs Spiel setzen*. München, Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 464 p. ISBN 978-3-421-04430-3.
10. Sassin W., Meadows D., Lovins U., Penzcynski P. *Which Way to Go? Observations based on discussion on global perspectives and energy strategies*. IASA Professional Paper, PP-77-9. Laxenburg, IASA, 1977. 21 p.
11. Siefert R.P. *Krieg und Zivilisation: Eine Europäische Geschichte*. Heidelberg, 2016. 578 p.
12. Wells H.G. *Die Zeitmaschine*. München, Verlagsgesellschaft, 2017. ISBN 978-3-423-43061-6.
13. Zinn G.V. Meilensteine einer gescheiterten Politik. *Wirtschaftswoche*, 2016, 28 October, no. 45.

The article was received on October 09, 2017.

The article was reviewed on October 20, 2017.